

Капустин Николай Яковлевич

**Оперативное искусство в
позиционной войне**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Яковлевич К.**
Оперативное искусство в позиционной войне / Капустин Николай Яковлевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 292 с.

ISBN 978-5-519-88135-7

ISBN 978-5-519-88135-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпуская свое исследование о позиционных операциях на основании опыта мировой войны, автор заранее предупреждает читателя, что его труд не является попыткой дать такую теорию, найти ключ, который открывал бы читателю все замки в его практической деятельности по данному вопросу: в таком деле, как военное, такой теории нет и быть не может.

Иностранная литература, поскольку это известно автору, до настоящего времени не дала исследований по рассматриваемому вопросу с широкой точки зрения, ограничиваясь отдельными мыслями, разбросанными в различных трудах по тактике, стратегии и истории мировой войны, не сведя эти мысли в одно литературное целое. Исчерпывающей работе по первоисточникам, даже для изучения вопроса на русском фронте, представляются в некоторых отношениях непреодолимые препятствия (неполнота архивов и т. п.).

В перечне источников указаны только те из них, которые являются основными, многие из них в настоящее время уже представляют библиографическую редкость. Использован автором и его личный опыт в мировой войне, в которой он провел свою службу, начиная со штаба дивизии, последовательно, и кончая ставкой. По своей должности он близко стоял к операциям на русском фронте и на фронтах бывших союзников, вплоть до окончания мировой войны на русском фронте.

Автор.

Москва.
Январь 1927 г.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Общий характер операций мировой войны и ей предшествовавших в XX в.

Война между современными государствами обычно начиналась встречным наступлением, при чем сражение слилось с операцией и превратилось из одноактного спектакля эпохи Наполеона и Мольтке в сложную пьесу, разыгрываемую в течение многих дней и даже недель.

Когда на одной стороне оказывается перевес в силах, то операция, не выливаясь в окончательное поражение для слабейшего, обычно связывается для него с потерей определенной территории (Ляоян, Пограничное сражение, Галицийская битва). Разгром и гибель целых армий (австро-венгерская, II русская армия) еще не дают права победителю на окончательную победу, и в дальнейшем операции не утрачивают маневренного характера.

Если размеры поражения для слабейшего настолько велики, что он не в состоянии проявить дальнейшего сопротивления, то операция близка к тому, чтобы повлечь за собой решение кампании, как по существу дела и произошло с сербской армией в 1915 г. и с румынской в 1916 г.: они нашли опору для своего дальнейшего существования вне пределов родной территории.

В том случае, когда операция не дает решения, как, например, на западе в 1914 г. после Ипра и на востоке осенью 1915 г., при чем обе стороны потеряли свою наступательную энергию, но не утратили способности к продолжению борьбы и в то же время не желают или не могут по стратегическим причинам прибегнуть к отступлению как к средству вернуть себе свободу действий,—операции вступают в фазис позиционной войны. Обыкновенно маневренные операции, постепенно израсходовав свой наступательный импульс, вначале частично, а потом и на всем протяжении стратегического фронта, замирают и сменяются борьбой на укрепленных позициях. Так возникает позиционный период войны, продолжительностью несравненно больший, чем предшествующий ему период маневренный.

В Русско-японскую войну первые операции носили маневренный характер. Затем амплитуда полевых операций все суживалась, и к концу войны наступил позиционный период, правда не вылившийся в столь грандиозные размеры, как это случилось в мировую войну.

Во время Балканской войны полевые операции нашли себе могилу на чаталджинских позициях.

2. Причины, обусловившие возникновение позиционных операций в мировую войну ¹.

С научной точки зрения исследование о позиционных операциях несравненно выиграло бы в своей цельности, если бы затронутый вопрос был рассмотрен во всей его полноте в исторической перспективе. Несмотря на полное различие в экономических условиях и в социальной структуре общества эпохи конца XVII и первой половины XVIII века, все же, без сомнения, удалось бы установить тождественность некоторых причин, обусловивших возникновение позиционных операций в то время с таковыми же мировой войны. С практической точки зрения возможно ограничиться рассмотрением событий только мировой войны. Рассмотрение интересующих нас причин в столь обширной по своему опыту мировой войне—и, к тому же, к нам ближайшей—позволит подойти вплотную к вопросу и даст возможность установить, составляют ли эти причины особенность только что минувшей войны или они могут при известных условиях оказать свое воздействие и на ход операций в будущей большой войне, имеющей произойти, конечно, при другой политической обстановке. В частности, интересно проследить этот вопрос не только на западном фронте, где эти операции возникли раньше и достигли своего апогея, но и на восточном (русском).

Прежде всего необходимо отметить, что военная доктрина всех крупнейших государств, участвовавших в миро-

¹ Разбирая причины, обусловившие возникновение позиционных операций, автор ограничивается оперативной и технической стороной дела, сознательно опуская ряд причин экономического и политического свойства; это обусловливается тем, что исследование этих причин представляет область, в условиях российской действительности настолько важную, что дать хотя бы краткий обзор их в общем стратегическом очерке не представляется возможным. Эти вопросы тесно связаны с историей и экономикой мировой войны, с историей революции и международными вопросами, а потому представляют область большого самостоятельного исследования. Однако само собой разумеется, что факторы политического и экономического значения необходимо иметь в виду как при оценке нашего изложения причин позиционной войны, так и при чтении других глав.

вой войне, была проникнута наступательными тенденциями. В некоторых армиях учение о наступлении было проникнуто нетерпимостью к другому образу действий.

Германская военная доктрина была пропитана ненавистью к позиционному характеру ведения войны. Достаточно в этом отношении указать на генерала Шлиффена, этого основоположника германских оперативных взглядов. Генерал Шлиффен во время разбора одной из больших военных игр, в которой принимали участие виднейшие впоследствии деятели германской армии в мировую войну, сказал:

«Нельзя войну вести так, как то было в Манчжурии, т.-е. гнать медленно противника от одной позиции к другой, месяцами лежать друг против друга в бездействии, пока, наконец, оба измученные противника не решатся заключить мир. Надобно в возможно скорейший срок разделаться с одним противником, чтобы иметь свободные руки для действий против другого. Там, в Манчжурии, возможно было месяцами лежать друг против друга на неприступных позициях. В Западной Европе нельзя позволить себе подобную роскошь в ведении войны. Машина, имеющая тысячу колес, требующая для своего содержания миллионы, не может долго стоять в бездействии».

Мы считаем достаточным ограничиться вышеприведенной цитатой фельдмаршала Шлиффена и не ссылаться на прочие авторитеты германской военной мысли, как, напр., Шлихтинга, Бернгарди и прочих, так как словами бывшего начальника германского генерального штаба красочно выражена наступательная тенденция германской стратегии, которой так слепо желало следовать в минувшую мировую войну германское командование, в особенности во времена Гинденбурга и Людендорфа.

Французская-официальная доктрина так формулировала свои взгляды накануне мировой войны на метод ведения операций:

«Только наступление дает решительные результаты. Энергичный полководец с самого начала придаст операциям такую стремительность и энергию, что неприятель, будучи подавлен нравственно и лишен свободы действий, окажется, быть может, вынужденным перейти к обороне... Если почин захвачен противником, можно повернуть ход борьбы в выгодную для нас сторону, также только перейдя в наступление энергичное, стремительное».

Не только уставная точка зрения, но и частная военная мысль французской армии (Фош и другие), была проникнута наступательным духом, а полковник Гранмезон незадолго до мировой войны в своих нащумевших сообщениях довел проповедь о наступлении во что бы то ни стало до формулы: «достаточно знать, где противник, чтобы его атаковать».

Взгляды идейных верхов русской армии были проникнуты такой нетерпимостью к обороне, что, с легкой руки Суворова, она кроме названия «подлой» иного и не имела. Всякий, кто попробовал бы усомниться в практической полезности наступательного образа ведения войны, был бы взят под подозрение и рисковал быть признанным неспособным подняться до уровня требований современной стратегии.

Нечего останавливаться на австрийцах, бывших в массе подголосками берлинской стратегии и в плену у последней.

Попутно необходимо отметить, что русская и западноевропейская военно-научная мысль в лице всех ее лучших представителей не возвысилась до понимания истинных причин, влиявших на ход операций в Манчжурии и, оценив тактические действия, упустила из виду стратегические моменты, поверхностное отношение к изучению которых было одной из причин неправильного определения возможной продолжительности мировой войны и всех вытекающих отсюда последствий¹.

Таким образом, перед минувшей войной весь мир был объят жадой наступления, надеждой на быстрое окончание войны, и пророческие слова Мольтке, сказанные им в заседании рейхстага 14 мая 1890 г.: «Если война, которая уже свыше 10 лет, как Дамоклов меч, висит над нашей головой,—если эта война разразится, то никто не сможет предугадать ее продолжительность и ее конец. В борьбу друг с другом вступят величайшие государства Европы, вооруженные как никогда. Ни одно из них в течение одной или двух кампаний не может быть сокрушено так, чтобы оно признало себя побежденным, чтобы оно вынуждено было заключить мир на суровых условиях, чтобы оно не могло вновь подняться и хотя даже через годичный срок вновь возобновить борьбу; это, может, будет семилетняя, а может быть, и тридцатилетняя война»,—остались гласом вопиющего в пустыне и были забыты прежде всего его учениками. Всюду ставка делалась на победу в генеральном

¹ Японский генеральный штаб правильное других сделал вывод из опыта Манчжурской кампании, касающийся продолжительности боевых столкновений и возросшей сопротивляемости укрепленных позиций. В наставлении, написанном на основании опыта войны 1904/5 г., говорится: „в боях будущего время пребывания противников друг перед другом, даже в полевой войне, делается много продолжительнее... так как в это время следует, используя все средства, возводить сильные укрепления, то выполнение атаки часто уподобляется атаке крепости“.

Справедливость требует отметить, что австрийцы (Чичерич ф.-Бачани), исследуя, правда только с оперативной точки зрения, события Русско-японской войны, сделали выводы куда более глубокие, чем проницательные ученики Клаузевица и Мольтке в Берлине.

сражении, на него ориентировалось все военно-научное мышление и подготовка армии. Ни одна из сторон не задавала себе вопроса или, во всяком случае, в достаточной мере себе его не уясняла: имеет ли она «право на решительную победу в генеральном сражении» предстоящего столкновения, т.-е. наличие такого превосходства сил, в широком смысле этого слова, которое является основной предпосылкой стратегии сокрушения? Упущено было из виду то обстоятельство, что эта так желанная победа в генеральном сражении зависит от сложного комплекса привходящих условий, из которых экономика страны и степень ее участия в мировом хозяйстве являются одними из главнейших.

Как на западном, так и на восточном фронтах мировой войны с августа 1914 г. началась борьба сторон, жаждавших еще в мирное время наступательного образа ведения войны и рассчитывавших громовыми ударами полевых операций решить судьбы кампании в кратчайшее время. На западе же, где порыв к наступлению достигал своего апогея, позиционный период возник спустя несколько месяцев после начала войны. В ноябре 1914 г., после сражения у Ипра, на все наступательные порывы обеих сторон война набросила позиционные окопы, сорвать которые удалось лишь четыре года спустя—в 1918 году и притом средствами, не входившими в соображений первоначальных планов войны.

В минувшей мировой войне на сцену выступает фактор, отсутствовавший на полях прежних сражений,—миллионные армии. Эти громадные вооруженные массы разворачивались на стратегических фронтах, имея плотность, достигающую на всем их протяжении предела тактического насыщения. Так, исходное развертывание германцев—70 пехотных + 10 кавалерийских дивизий—происходило на фронте Аахен—Мюльгаузен, протяжением всего лишь 340 км, что дает в среднем около 5 км на пехотную дивизию. На направлении решительного удара—Аахен—С.-Вит, протяжением около 120 км, германцами было развернуто 42 пехотных + 7 кавалерийских дивизий, что дает в среднем около 3 км на пехотную дивизию. Французы на фронте Бельфор—Рокруа, протяжением около 320 км, развернули 64 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, что дает в среднем около 5 км на пехотную дивизию. Главная масса французской армии—47 пехотных + 7 кавалерийских дивизий—была развернута на фронте Бельфор—Монмеди, протяжением около 250 км, что дает в среднем опять около 5 км на пехотную дивизию¹.

¹ Включение в расчеты бельгийской армии (6 пех. див. + 1 кав. див.) и английской (4 пех. див. + 1½ кав. див.) существенной разницы в оценку плотности развертывания союзной армии не вносит.

Австрийская армия против русских развернулась на фронте около 300 км, имея 36 пехотных и 11 кавалерийских дивизий, что дает в среднем около 8 км на одну пехотную дивизию. Русские армии юго-западного фронта развернулись в составе 47 пехотных и 26 кавалерийских дивизий на фронте около 500 км, что дает в среднем около 10 км на одну пехотную дивизию.

Таким образом, на каждые 5 км западного фронта и каждые 10 км восточного фронта стратегического развертывания можно было при встречной операции натолкнуться на силы не менее одной пехотной дивизии, т.е. такие силы, которые, имея оба фланга примкнутыми к другим частям, могли проявить во фронтальном столкновении упорное сопротивление в течение суток и даже более ¹.

Первые операции мировой войны отмечают одно обстоятельство, очень характерное для оперативного искусства враждующих сторон,—отсутствие умения собрать подавляющее превосходство сил в направлении решительного удара.

Пограничное сражение: германцы (I, II, III армии) = 22 пех. див. + 7 кав. див., союзники (англ., V франц. армия) = 17 пех. див. + 5 кав. див., Марнское сражение: германцы (I и II армии—два корпуса) = 14 пех. див. + 3 кав. див., союзники (англ., VI и V франц. армии) = 22 пех. див. + 8 кав. див.

Фландрское сражение (на главном участке между Ламбассе и морем): германцы = 17 пех. див. + 8 кав. див.; союзники = 19½ пех. див. + 12 кав. див.

Галицийское сражение (на главном участке между р.р. Бугом и Вислой): австрийцы = 25 пех. див. + 4 кав. див., русские = 21½ пех. див. + 9½ кав. див.

При таких условиях операция не могла (независимо от сделанных командованиями сторон ошибок) привести к решительному результату—к уничтожению большей части противника, так как главная масса была связана фронтальным столкновением, сводившимся ко взаимному истреблению сторон; фланговая ударная группа оказывалась слишком слабой для нанесения такого удара, от которого противник не мог бы оправиться даже ценою продолжительного отступления.

После нерешительного исхода первой операции идет параллельное нарастание сил обоих противников с применением их для операций на флангах. Происходит постепенное вытягивание стратегического фронта и насыщение его до

¹ Хотя некоторые (Colonel K. Nuyten, Boll. des sciences mil., № 7, июль 1922 г.) считают, что дивизия, интенсивно ведущая атаки, требует поддержки через час боя, при обороне—через два часа боя, но это взгляд безусловно навеянный условиями позиционной борьбы и не соответствующий характеру полевых операций.

такого тактического предела, при котором прорыв его существующими наличными силами является невозможным, так как ни в одной точке этого фронта оба противника не имеют такого превосходства в наличных силах, которое позволяло бы без промедления перейти к операции прорыва. К тому же, так как наращивание сил на флангах происходило за счет фронта, то наступательные тенденции центральных армий постепенно сокращаются и ограничиваются задачами сковывания, прикрепления к месту противостоящего противника.

Переброска сил на фланги была в прямой зависимости главным образом, от железных дорог (автомобильный транспорт играл случайную и весьма скромную роль), в развитии которых, в особенности рокадных путей, ни одна из сторон не обладала значительным преимуществом перед другой ¹.

Итак, силы противников почти равны, ни одна из сторон не превзошла другую в смелости оперативного метода: стремление искать развязки на флангах не путем мощного удара, а скромным охватом незначительными силами сравнительно с громадной общей массой, принужденной безнадежно истощать себя в бесплодных фронтальных атаках и тем самым постепенно надевать на себя оковы позиционной войны.

Расход средств борьбы, в особенности огнестрельных припасов, был настолько велик, что в кратчайший срок, при недостаточной подготовке тыла, не было никакой возможности влить в армии новые пополнения, обеспечивающие потребности операций на весь их длительный период. Нарастание сил и средств шло чересчур медленным темпом, способствовавшим углублению в землю. Экономические условия борющихся стран показали с первых же дней войны все их несоответствие широкому масштабу и тем заданиям, которые к ним предъявлялись операциями современных массовых армий.

Организация и работа войскового тыла не соответствовали требованиям маневрирования: тыл, работа которого была основана почти исключительно на гужевом транспорте, был слишком громоздкий и отставал от войск; его оперативная емкость, в особенности в части артиллерийской, была ничтожна, чтобы удовлетворить потребности современного боя ². Развернутые миллионные армии пере-

¹ За исключением правого фланга восточного фронта, где железнодорожная сеть Восточной Пруссии обладала, несомненно, оперативными преимуществами, что и обусловило, в ряду прочих причин, поражение нашей II армии.

² Замена гужевого транспорта автомобильным, как показал опыт войны на западном фронте, не является решением вопроса. Полезная работа автомобильного транспорта, помимо того, что требует поддержания путей в идеальном состоянии, быстро падает с увеличением расстояния: далее 150 км от конечно-выгрузочных станций применение автомобилей уже невозможно. Транспортный резерв союзников

росли обслуживающие их на поле сражения средства транспорта. Между численностью армии, характером и числом предметов вооружения и методами снабжения должны существовать известная зависимость и соотношение, определяемые состоянием производительных сил страны, кои в должной мере не были учтены воюющими, и это обстоятельство не могло не повлиять на быстроту стратегического истощения.

Состав армии и ее построение вскоре же после начала войны потерпели сильное изменение. Кадровый состав, и притом лучший, лег на полях первых сражений. Громадные потери, отсутствие понятного для народных масс политического результата в итоге первых операций, отчасти вытекающее из отсутствия прогрессивного содержания в самой войне, и резкое падение экономического барометра понизило настроение в тылу, и психика прибывающих подкреплений располагала их более к отсиживанию на месте, чем к порыву вперед. Сознание недостижения целей войны путем первых маневренных операций теми, кто их пережил и к ним готовился всею предшествующею деятельностью мирного времени, не могло не вызвать явления морального истощения, упадка духовных сил за предел, с которого они уже не могли в короткое время подняться для новых напряжений: верхи стали утрачивать веру в близкую победу путем одного наступления.

Перерыв в операциях начинает затягиваться, с одной стороны, вследствие понижения наступательного духа, вызываемого особенностями стабилизированного фронта, с другой стороны—возрастают трудности, связанные с атакой все более и более усиливаемых средствами военной техники позиций.

Военная техника в мирное время развивается лабораторным путем; с началом войны она находит широкое поле для выхода на простор практических испытаний. Происходит непрерывное нарастание новых средств борьбы, вначале более отвечающих целям обороны, нежели наступления. Слабое развитие авиации не позволило ей подняться до степени самостоятельного фактора на войне, могущего непосредственно расшатать зацепившийся и вросший в землю боевой порядок остальных родов войск, и обусловило ей чисто служебную, вспомогательную роль.

к концу мировой войны достигал 24 000 грузовиков, но он имел в общей сумме производительность, едва достигавшую производительности одной двухколейной железнодорожной линии. Умелое разрушение железных дорог отступающим может иметь следствием для преследующего перерыв операций на продолжительное время. После отступления германцев в 1918 году французам понадобилось не менее четырех месяцев, чтобы связать прерванные сквозные магистрали.